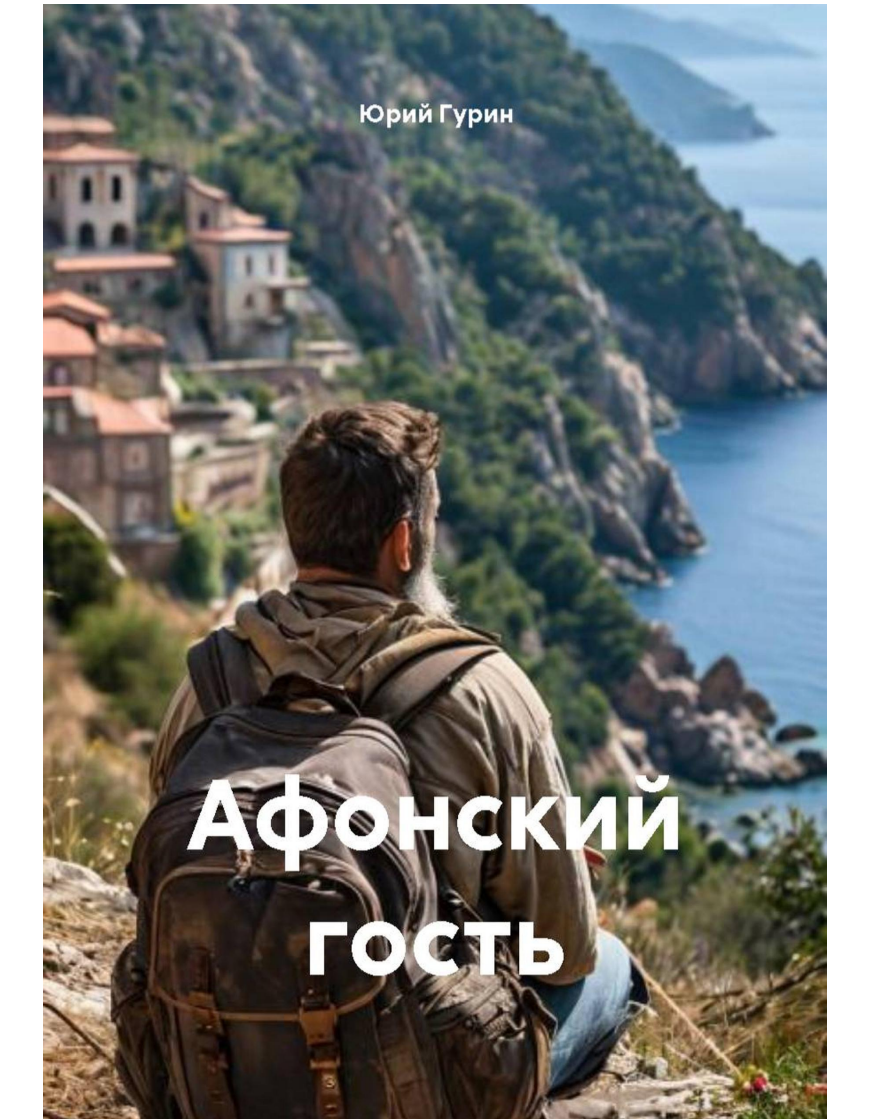

Юрий Гурин

Афонский гость

Юрий Гурин

Афонский гость

Серия «Духовная литература», книга 16

<https://litres.ru/73555507>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он приехал на Афон как турист — посмотреть на экзотику, может быть, даже поспорить с местными монахами. У него в рюкзаке — Библия с закладками на «проблемных» стихах, в голове — стройная система аргументов, в сердце — уверенность в своей правоте. Звали его Алексей, и он точно знал, что вера должна быть только «по Писанию».

Старец у каливы встретил его, как старого знакомого — хотя Алексей не называл своего имени. А потом заговорил о бабушке. О крестике, который Алексей хранит. И о том, что Бога нельзя узнать по книгам — как нельзя узнать вкус апельсина по ботаническому справочнику.

Этот разговор перевернёт всё. Не потому, что старец победил в споре — он вообще не спорил. Просто сказал о главном: о тишине, в которой говорит Бог, о сердце, которым только и можно увидеть Христа, о Реке живой воды, которая течёт две тысячи лет и ждёт каждого, кто устал от буквы и ищет Жизни.

Рассказ о встрече, которая может случиться с каждым. Если однажды вечером постучаться в каливу, где тебя уже ждут

Юрий Гурин

Афонский гость

Солнце клонилось к закату над Святой Горой Афон, окрашивая зубчатые гребни скал в пурпур и золото. Воздух, напоенный ароматом кипарисов, чабреца и морской соли, был так плотен, что, казалось, его можно было пить. Тишина стояла такая, что слышно было, как с лепестка дикой герани падает капля вечерней росы.

По каменистой тропе, тяжело дыша и то и дело сверяясь с картой в телефоне, поднимался молодой человек. Одет он был по-туристически – трекинговые ботинки, джинсы, лёгкая куртка. За плечами – рюкзак, в котором угадывались очертания увесистых книг. Звали его Алексей.

Он приехал из России. В протестантской общине, куда он ходил уже пять лет, его считали подающим надежды молодым апологетом. Он знал Библию почти наизусть, умел находить «слабые места» в любых богословских спорах и с лёгкостью цитировал Лютера и Кальвина. На Афон он отправился скорее из любопытства – и отчасти с тайной мыслью: «Посмотрю на эту средневековую экзотику, может, даже поспорю с кем-нибудь из местных. Интересно, как они защищают свои иконы и почитание старцев?»

За три дня, проведённые на Святой Горе, Алексей успел разочароваться. Монахи были приветливы, но в споры не

вступали. На его вопросы о «небиблейских» традициях они лишь улыбались и предлагали: «Останься на службу, помолись». Это раздражало. Ему нужны были аргументы, а ему предлагали... тишину.

В этот вечер он поднимался к скиту, о котором прочитал в путеводителе. Говорили, что там живёт старец, у которого останавливаются даже архиереи. «Посмотрим, что это за старец», – думал Алексей, перешагивая с камня на камень.

У небольшой каливы, сложенной из дикого камня и увитой виноградом, стоял монах. На нём был выцветший подрысник, залатанный на локтях, и высокий чёрный клобук. Лицо его, изрезанное глубокими морщинами, светилось той особой, тихой радостью, которая бывает только у людей, обретших мир в душе. Старец поливал маленькие цветы, растущие прямо в расщелинах камней – гвоздики, васильки, какие-то незнакомые Алексею голубые колокольчики.

Увидев путника, старец поднял голову. Глаза его – ясные, синие, как афонское небо после дождя, – остановились на Алексее. И в этом взгляде не было ни любопытства, ни оценки. Было только одно – узнавание. Словно он ждал этого человека всю жизнь.

– Благослови, отче, – сказал Алексей первое, что пришло в голову. – Можно воды?

Старец улыбнулся той открытой, детской улыбкой, от которой усталость отступает сама собой.

– Ну здравствуй, Алёша. Я тебя ждал.

Алексей вздрогнул, будто его ударило током. Он не называл своего имени. Никто не мог его знать здесь.

– Откуда... – выдохнул он.

– Садись, сынок, – перебил его старец, – ты не воды пришёл искать – ты истину ищешь. А истина, она любит, когда ноги отдыхают, а сердце открывается.

Он зачерпнул ковшом из деревянной бочки, зашёл в каливу и вынес на деревянном блюде несколько кусочков рахат-лукума, присыпанных сахарной пудрой.

– Пей. Ешь. На Афоне сначала гостя кормят, а потом говорят.

Алексей пил жадно, и вода казалась ему невероятно вкусной – прохладной, чуть отдающей деревом и небом. Лукум таял во рту, оставляя сладкое послевкусие. Старец присел рядом на завалинку и молча смотрел на закат.

Молчание затягивалось. Алексею стало не по себе. Он привык к спорам, к обмену аргументами, к словесным баталиям. А здесь была просто тишина. И в этой тишине он вдруг остро осознал, как шумно у него внутри.

– Геронда, – наконец решился он, – вы сказали, что ждали меня. Почему? Мы ведь не знакомы.

Старец повернул к нему лицо, и Алексей снова встретил этот взгляд – пронзительный и ласковый одновременно.

– Не знакомы, – согласился старец. – А вот святой человек Божий, Алексей, тебя знает. Он за тебя молится. И бабушка твоя молится.

Алексей вздрогнул, будто его ударило током.

– Откуда вы знаете про бабушку? – выдохнул он. – Я не называл... Мы не знакомы...

Старец не ответил. Он посмотрел куда-то в сторону, словно видел то, чего не видел Алексей.

– Бабушка... – задумчиво произнёс он. – Она тебя маленького в храм водила. Крестила тебя и подарила тебе крестик. Маленький такой, серебряный, на простой нитке. Помнишь?

У Алексея перехватило дыхание. Этого не мог знать никто. Крестик лежал у него дома, в шкатулке, завернутый в старую бабушкину косынку. Он хранил его как память – но никогда не носил. Стыдился. В общине учили, что нательные кресты – это «материальные предметы», «пережитки», «идолопоклонство». Вера должна быть в сердце, а не на шее. Он соглашался. Убеждал себя. Но выбросить крестик – рука не поднялась.

– Я храню его, – прошептал Алексей, чувствуя, как глаза начинает щипать. – Но я не ношу... Я думал, это неважно. Только символ.

Старец ласково покачал головой.

– Э, сынок, – сказал он тихо. – Для бабушки твоей это был не символ. Это была её молитва, завязанная узелком на твоей шее. Когда она надевала его на тебя, она не нитку с серебром надевала – она Бога просила: «Господи, сохрани моего Алёшеньку. Ангела ему дай. Веру ему дай». Каждый раз, когда она на него смотрела, она молилась. Крестик этот

– он как письмо от неё. С небес. Ты его хранишь – значит, сердце твоё помнит. А головой отказываешься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.